

Общие положения духовной модернизации на религиозно- конфессиональной основе

Введение

Модернизация — наиболее важное символическое слово в современной России. Понимание того, что модернизация — это не только технологический, но более глубокий по смыслу и к большему обязывающий процесс, уже имеет место. Как отметил депутат Государственной думы И.В. Пономарев, «главный вызов, стоящий перед Россией, это не технологическое развитие страны, как счи-

тают одни, и не трансформация демократических институтов, как считают другие, а общественная трансформация» (1). Тем не менее общий контекст в понимании модернизации продолжает оставаться принадлежащим исторически и культурологически частному (узкому) подходу, в наиболее распространенном своем именовании известному как «системный», а в своем фундаменте определяемому как «позитивистский».

Городецкий Марат Викторович — старший преподаватель кафедры философии и культурологии Сибирского университета потребительской кооперации.

Позитивизм — это разработанная в западной философии методологическая общенаучная и практическая установка, согласно которой каждое явление в сущем представляется как совокупность открытых и, в принципе, известных (ясных и очевидных по своей природе) элементов — т.е. как система. Вследствие этого к каждому явлению — в том числе к таким явлениям, как общество, сознание, психика, культура, история, политика, — полагается, в принципе, применимой система действий (технология), приводящих к заданному результату как новому уровню системы.

«Модернизация» — это изначально именно позитивистский и, уже в контексте позитивизма, системный термин. Т.е. само его использование подразумевает наличие некоей системы, в применении к которой возможна некая технология и в результате — модернизация как переход системы на новый уровень. Иными словами,

модернизация некоего X основывается на посылке, что X есть система.

Представляется, что, когда речь идет о модернизации России как таковой, т.е. как страны в целом, сам фундирующий модернизацию позитивистский концепт обнаруживает предел своего применения. Дело в том, что исходная проблема России, которую и призвана решить модернизация, — это проблема не технологическая и вообще не системная, она предтехнологическая или предсистемная. Россия не является системой и исторически ею еще не была. Т.е. это не система, как, например, куча песка, или склад древесины, или группа наноэлементов, из чего в соответствии с ее качеством можно определенно что-то сделать и перевести на новый уровень — построить бетонный дом, корабль или сделать суперволокно. Как только с Россией как с системой что-то делают, она уходит из-под самого определения ее как систематизируемого материала, ускользает. Представляется, что причиной этой метаморфозы является неприменимость системного подхода к России в целом на данном этапе ее развития.

Инициация языка как предсистемная основа модернизации

Систему можно определить как совокупность соответствий. Гипотеза о системе в виде такого ее определения образует основу применяемой в идее модернизации методологии: изменим государство — изменится страна. Ведь сама идея модернизации предполагает модернизацию именно государства, т.е. государство, а не что-либо другое, полагается модернизируемым объектом (в противном случае получается абсурд: ведь не собирается же Президент лично менять прогнившие коммуникации и строить энергостанции; нет, речь идет о том, чтобы создать «хороший» управленческий аппарат, который уже сделает так, что поменяются коммуни-

кации и станции). А уже вслед за этим, на основе предполагаемого соответствия между государством и страной, ожидается модернизация страны.

Но, к сожалению, в России ни государство ни страна не образуют систему как совокупность соответствий. Государство как часть и аспект страны не систематизирует страну, и поэтому даже успешные изменения в государстве не вызовут соответствующих изменений в стране. Если смотреть глубже, то и изменения в государстве невозможны: дело в том, что государство и страна являются взаимопереходящими друг в друга сторонами. Пусть Вы думаете, что изменяете «государство» (как то, что является систе-

Как только с Россией как с системой что-то делают, она уходит из-под самого определения ее как систематизируемого материала, ускользает.

мой хотя бы по видимости), а оно прямо в этот момент оборачивается «страной» (как тем, что не является системой даже по видимости). Вы думали, что изменили хотя бы государство (а в «страну» эти изменения пусть переведет следующий), а на самом деле Вы не сделали ничего, просто растворили ресурсы. Именно это — то главное, чего не понимает либерализм, призывающий просто «изменить государство», например сделав его «таким-то и таким-то» — «либеральным», «правовым» и т.д.

Таким образом, системный подход неприменим в России потому, что здесь нет исходного определяющего систему фактора — совокупности соответствий.

Как возможно воздействие на объект, в котором нет совокупности соответствий? Только посредством воздействия в нем на некий внесистемный и предсистемный компонент. Таким предсистемным компонентом в России яв-

ляется язык. Ее системные проблемы, т.е. нерабочее состояние систем в ней, обусловлены проблемой языка как базовой предсистемы.

Язык — базовая совокупность значений, генерирующая какие-либо системы или соответствия. Эта генерация происходит в сознании носителей языка. В России нет системы и невозможны какие-либо системы, потому что в ней нет именно языковой, т.е. базовой совокупности соответствий — совокупности соответствий между носителями языка как таковыми. Поэтому в России часто не могут возникнуть даже самые элементарные, бытовые договоренности. Порог исчезновения соответствий, образу-

ющих договоренности, настолько ничтожен, что три семьи, живущие на одной площадке, не способны порой договориться об элементарном взаимовыгодном действии. Одна семья — от трех до пяти человек — вот единственный и в этой единственности математически ничтожный реальный фактурный элемент того, что называется Россией.

Воздействие на язык как предсистемную базу — это исходное воздействие. Методологически принципиальным является определение вида этого воздействия. По виду оно — не система, т.к. методологически невозможно системное воздействие на предсистемный объект. Это воздействие — предсистемное, т.е. оно не регулирует отношения между некими элементами и даже не моделирует их (т.к. отношения между языковыми элементами не моделируются или не всегда моделируются), а устанавливает и запускает их. Это запускающее воздействие не открыто в языке (т.к. сам язык

не открыт, не дан как система), поэтому оно может быть только неявным и не прямым — т.е. осуществляемым со стороны, точнее с нескольких сторон, как подталкивание с разных сторон. И неизвестно, какое из них сработает. Это подталкивающее воздействие может быть определено как инициация. Именно инициация как исходное запускающее воздействие со стороны на язык как базовую предсистему, а не модернизация систем, которых просто нет как таковых (есть лишь имитации), нужна России. (К термину «инициация» можно относиться здесь просто: «инициация» — «запуск».)

Любая форма свободной горизонтальной коммуникации чревата вербальным хаосом, заменяющим вдумчивую речь.

Неиницированный язык — это отсутствующая, как бы мертвая коммуникация между теми носителями языка, которые лично к ней способны. Вследствие этого возникает замещение коммуникации псевдокоммуникацией. Псевдокоммуникация — это коллективно-бессознательное по своему происхождению, преступное и насильственное по содержанию начало, инстинктивно нацеленное на нивелирование каких-либо ценностей и норм, прежде всего — и обязательно — языковых ценностей и норм. Это псевдокоммуникационное начало (суть его — некий первобытный и не человеческий даже, но полужверинный миф силы (насилия) и грязи, а в них, как мифообразующих компонентах, фундаментальный языческий миф «родства с природой») актуализируется и доминирует в современной России именно из-за отсутствия подлинной языковой, т.е. народной, в действительном смысле этого слова, доминанты. Псевдокоммуникационное начало формирует и навязывает свой псевдоязык. Этот псевдоязык — инвективная речь, не просто со-

стоящая из неких слов, но синтаксически подменяющая язык в сознании россиян со средних классов школы.

Те, кто способен к мысли и настоящей речевой деятельности, не могут лично противостоять псевдокоммуникационному началу, т.к. они между собой не образуют коммуникацию, а псевдокоммуникация сильнее отсутствующей коммуникации. Псевдокоммуникация процветает, она заполонила страну — она-то и есть страна, точнее псевдострана, заменившая страну, подобно тому и вслед за тем, как инвективная речь заменяет язык.

Псевдокоммуникация, убившая и заменившая коммуникацию, порождает ту чудовищную степень свернутости и паралича языка, которая охватила страну. Любая форма свободной горизонтальной коммуникации чревата вербальным хаосом, заменяющим вдумчивую речь. Очень часто высказывание внешне здоровой (т.е. даже не обязательно правильной, но просто построенной на тезисах и рассуждениях) мысли порождает мощную отрицательную реакцию — специфическую реакцию на здравомыслие.

Такая реакция крайне важна именно по характеру. Необходимо оценить: это реакция не на чужую точку зрения, не на содержание какой-то высказываемой мысли, но на сам тегический дискурс, на саму возможность мышления, развертывания языка в сознании и пространстве. Это реакция на саму возможность мыслить по-русски.

Сознание, находящееся в пространстве свернутого языка, даже при наличии личностных способностей к мышлению и рече-

вой деятельности, поражается вирусом общего языкового паралича и парализуется — появляется привычка молчать, бездействовать, сжиматься. И дело не только в том, что язык не обеспечивает коммуникацию между людьми, но в том, что язык не обеспечивает коммуникацию в сознании даже отдельного человека. Часто можно наблюдать: в простейшей коммуникации люди не стремятся к достижению взаимовыгодной договоренности. Более того, человек не совершает полезное для себя действие даже тогда, когда это элементарно, безопасно и не требует какой-либо коммуникации вообще. Люди молчат в самом своем сознании, замкнуты и парализованы в нем. И что принципиально — это состояние языка, а не психики (не личности). Коммуникативный паралич — это не свойство личности, но обретенное свойство языка как надличностной структуры значений, его состояние. А уже в действиях личности это состояние языка, проникающая в них, порождает свернутость сознания.

Мы видим изнутри: вся потенция России именно свернута в людях. Люди не живут в том, что делают. Они не разворачивают данный им в их сознании язык в данном им жизненном пространстве. Поэтому так сложно сказать авто-владельцу, паркующемуся на детской площадке, «убери машину», открыть форточку в переполненном вагоне, попросить уступить место в метро. Во всех этих случаях препятствием является не «злое государство», а неразвернутость языка в сознании.

Поэтому точка приложения нужного усилия настолько мала, что ошибиться в ее определении невозможно — это только язык.

Существует возможность выхода из состояния свернутости языка, и, как ни удивительно, эта возможность раскрывается из самого представления о его «свернутости». «Свернутость» означает

сжатое состояние и, стало быть, наличие некоей энергии, которая может быть открыта и высвобождена. Попросту говоря, то, что до предела свернуто, именно поэтому может быть развернуто с выходом энергии, достаточно подобрать воздействие (вспомните машинку с закрученным до упора пружинным движком...). Свернутость языка означает наличие энергии в нем и потенцию для ее реализации.

«Свернутость» языка и производная от нее «энергия языка» суть не метафоры. Всегда, когда в истории происходили масштабные инициации, т.е. развертывания потенций каких-то народов, происходило прежде развертывание языка, а уже через это — всплеск решений, действий и вообще жизненных порывов носителей языка. Лишь частным следствием этого является возникновение и развитие систем: правовой (государственной), экономической, технологической, эстетической.

Языков много, а инициаций исторически мало. Большинство языков не производят инициаций. Но в том-то и дело, что русский язык является одним из немногих языков, на которых: а) возможен сколь угодно сложный текст; б) говорит более 100 млн человек. При этом исторически достоверно, что полной инициации России не было никогда. Даже в XIX в. всплеск эстетического и научно-образовательного компонентов культуры (этим наследством мы пользуемся до сих пор) был явлением поверхностным для России. Он затронул лишь малую ее часть, но удивительная ценность и значимость этого «всплеска» свидетельствует: подлинная глубинная энергия непредставимо велика (уж если столь значительной может оказаться «пленка», какова же глубина?).

Итак, русский язык, как имеющий неограниченные возможности и исторически применимый к 100–

200 млн человек коммуникационный ресурс, — это базис потенции России. Попытки что-нибудь сделать с Россией потому столь притягательны, что ее язык является источником исторически еще не раскрытой силы.

Упомянутый статус русского языка — достаточное для инициации обстоятельство. Следует также обратить внимание на российское пространство, подобного которому нет больше нигде. Это второе обстоятельство — фора, блажь, которой могло бы и не быть. Идея о том, что можно пролететь несколько тысяч километров над территорией, где говорят на твоем родном языке — сильнейшая и раскрывающая всякое здоровое сознание культурообразующая мифологема (именно та, за которую боролись все империи мира).

Т.е. мы говорим на одном из немногих языков, на котором возможны самодостаточные по значимости переводы Георга Гегеля, Жюль Делёза или Жака Деррида (примеры предельно синтаксически сложных вербальных текстов). Кроме того, мы располагаем самым большим в мире пространством. Это и есть настоящая, не мнимая и историческая по масштабу сила.

Мы располагаем самым большим в мире пространством. Это и есть настоящая, не мнимая и историческая по масштабу сила.

Итак, на основе вышесказанного определяется исходная задача — инициация языка, порождающая коммуникацию.

Далее предлагается общая методология и возможное решение в рамках проекта проблемы инициации языка (инициации коммуникации). При этом вместо словосочетания «инициация языка» предлагается использовать термин «духовная (коммуникативная) модернизация», т.к. терминологически это лучше коррелируется с «модернизацией», ставшей идеологическим символом.

Общая методология инициации языка

Что такое «инициация языка»? Это работа с языком не как с теоретическим (лингвистическим) объектом, т.е. это работа не филологическая и не какая-то «языковая реформа», но работа с реально действующей в стране структурой значений.

1) Структура значений есть совокупность каких-либо устойчивых, актуализируемых в сознании и затем в социально и экономически значимых поступках ассоциаций — последовательностей вообразяемых и воспри-

нимаемых образов, символов, условных знаков. Эти последовательности отображаются в последовательностях слов и закрепляются в них в качестве устойчивых в сознании языковых конструкций, вслед за чем языковые конструкции (как более мощные, чем образные и символические) в обратном направлении моделируют образное восприятие и закрепляют его в рамках некоторой модели.

Последовательности образов (а также символов) — это связанные друг с другом по результирующим значениям цепочки, цепочки значений, которые, пересекаясь друг с другом, образуют структуру значений как единый организм. Цепочки значений актуализируются в каких-либо жизненно значимых ситуациях в соответствии с темами (бизнес, преступность, власть, транспорт, образование, жилье и т.д.). Таким образом, работа с языком — это работа над цепочками значений, т.е. над значениями и темами.

Тактическая задача — преобразование действующей псевдокоммуникативной структуры значений. Прежде всего нужно понять,

какие цепочки значений доминируют в той или иной теме, из каких звеньев они состоят, и какие вербальные схемы отражают эти цепочки. Вторая задача: находить пустотные цепочки, т.е. такие цепочки значений, в которых есть пробелы или неоднозначные элементы. Соответственно, в эти пробелы следует незаметно вставлять собственные подобранные значения или этим неоднозначным элементам придавать требуемое значение. В результате действующая структура значений постепенно меняет свои направления на новые, в которых может начать действовать коммуникативная модернизация.

2) Преобразование цепочек значений методологически должно быть выборочным и направленным прежде всего на узловые, т.е. общие для нескольких цепочек, так сказать, перекрестные значения. Эти перекрестные значения суть общезначимые по функции, т.е. более или менее универсальные образы или символы, которые в совокупности с вербализующими их утверждениями образуют потенциальные идеи. Например: «алкоголь» (общение, веселье, удаль, горечь, дух, борь-

ба), «семья» (женщина, родина, земля, хлеб, пространство, родители, дача), «болезнь» (больница, смерть, тревога, спорт, не курить, все равно), «школа» (сдать, получить, форма, армия, «5», вырваться, выдать), «труд» (работа, неохота, сдюжим, сорвать, пробиться), «начальство» (страх, «лексус», милиция, деньги, власть, Запад). В качестве только образов это не более чем архетипы, значимые лишь психологически, но будучи выражены в виде тезисов, определяющих стоящие за этими образами явления, они превращаются в идеи, инициирующие мышление и коммуникацию узловые средства.

Идеи важны тем, что в псевдокоммуникативной структуре значений они отсутствуют (в псевдокоммуникации нет перекрестных междуцепочных значений: все цепочки перекрещиваются только в одном месте — в центре псевдокоммуникации, в спруте инвективного синтаксиса, флуктуирующего с «гламуром»). Идеи — признак и специфическая фактура коммуникации. Вкрапить идеи в предназначенные для них перекрестные (общие) места псевдокоммуникации — самое эффективное инициатическое языковое (духовное) действие.

Как вкрапить идеи?

3) Идеи существуют в совокупностях — в идеологиях. Соответственно, метод вкрапления идей в существующую структуру значений один: подбор пригодных для этого идеологий. Собственно, здесь и становится ясной смысловая связь между инициацией языка и духовной модернизацией, духовностью. «Духовность» — это то же самое, что и «идейность».

4) Действующие цепочки структуры значений нельзя открыто ломать и исправлять. Это значит, прямо указывать действующей структуре значений на ее слабые

Метод вкрапления идей в существующую структуру значений один: подбор пригодных для этого идеологий.

места, т.е. на пробелы в ее цепочках. В ответ она воспротивится, воспользуется подсказкой и сама закроет пробелы. Вот почему в принципе открытые директивные системные действия здесь бесполезны и вредны.

5) Духовная модернизация, не будучи директивно открытым процессом, воздействует изначально не на всех жителей России. Реципиентами ее могут стать только условно благополучные экономически и относительно образованные люди. Именно в этой среде инициация коммуникации может дать позитивный социальный и экономический эффект. Предполагается это 30% населения России.

Итак, методологически задача формулируется так: построение структуры идеологий, пригодных для встраивания на основе изложенных здесь методологических положений в действующую в России структуру значений. Иными словами, духовная модернизация как методологическое выражение коммуникативной инициации есть построение идеологической и, в пределе, ценностной структуры и ее инициатическое (внедирективное по методу: не прямое, а распяленное) встраивание, образующее коммуникацию.

Возможно следующее решение этой задачи.

Проект духовной модернизации на основе использования религиозных учений традиционных в России конфессий

Духовная модернизация — это построение структуры идеологической и ценностной коммуникации. Структура здесь есть разноразноуровневая совокупность явлений, каждое из которых провоцирует и тематически направляет идеологическую коммуникацию. Цель идеологической коммуникации — инициация и поддержание каче-

ственной (грамотной) языковой коммуникации, т.е. инициация русского языка в соответствии с исторически присущим ему статусом.

Средством духовной модернизации должны быть идеи — четко дифференцированные относительно друг друга высказывания о ключевых и общезначимых, но тематически разных явлениях: алкоголе, семье, школе (образовании), болезнях (смерти), Западе (власти), а также исторических событиях, способах действия в общественной и личной жизни, возможно, о каких-то философских или богословских учениях, помогающих раскрывать смыслы общезначимых явлений.

Подвижная структура идеологий должна быть открыта для новых возможных идеологий — как групповых, так и индивидуальных.

Идеи стратегически важны: в первых, они встраиваются в те места действующей псевдокоммуникативной структуры, в которых эта структура в принципе не предлагает качественной вербальности, т.е. не конкурирует с идеологиями; во-вторых, они задают изначально самой коммуникативной инициации определенный качественный уровень, не позволяющий коммуникации скатываться в «офисное» пустословие, болтовню. Поэтому духовная модернизация должна проводиться одновременно с распространением идей и неких системно содержащих идеи учений, т.е. идеологий. Открыто, но разнонаправленно и в целом бессодержательно должна при этом пропагандироваться ценность «духовной жизни» как жизни, «наполненной идеями».

Духовная модернизация в условиях вариативности и множественности информации — это не внедрение одной идеологии, а построение подвижной струк-

туры идеологий, применимой к какой-либо информации и вследствие этого устойчивой в ее потоке.

Подвижная структура идеологий должна быть открыта для новых возможных идеологий — как групповых, так и индивидуальных. Т.е. какой-либо житель России, способный к восприятию идей и озадаченный идеологизацией собственной жизни (что специфично для России), прилегающий к идеологии какой-то группы или создающий «идеологию для себя», должен находиться, осознанно или неосознанно, в одном из направлений подвижной структуры идеологий и быть, по сути, безальтернативным ей в целом.

Что такое «подвижность» и как она достигается в сочетании идеологий?

Подвижность идеологий проявляется как внутренняя вариативность в содержании каждой из них. Внутренняя вариативность в содержании какой-либо идеологии достигается взаимопереходностью между идеологиями. Иными словами, подвижность — это не неточность догм данной идеологии, а свойство, возникающее у идеологии вследствие определенной связанности ее с другими идеологиями в их общей структуре. В этой связанности должны присутствовать определенные роли идеологий относительно друг друга, среди которых должны быть «антиидеология» и «нейтральная идеология». Т.е. для каждой идеологии должна существовать одна условно противоположная ей по роли и одна условно нейтральная (нейтрализующая конфликт между данной и противоположной).

В качестве базы для подвижной идеологической структуры предлагается использовать совокупность существующих в России конфессиональных идеологий — религиозных и мифологических, внеполитических и не опасных по содержанию мистических учений.

Почему религии и мифологии? Во-первых, это неполитизированные идеологии, поэтому их развитие не создаст конкуренцию государству. Во-вторых, это уже данные идеологии, исторически устойчивые и поэтому не воспринимаемые как новые и навязываемые. В-третьих, это идеологии, по специфике своей фактуры обладающие (в большей или меньшей мере) мистифицирующим компонен-

На основе конфессиональных учений создается дублирующий их светский контент.

том, а значит, обладающие привлекательностью для сознания и органично усваиваемые им. В-четвертых, использование религий и мифологий для коммуникативной инициации предполагает использование высоких по степени грамотности кадровых ресурсов служителей общин, что имеет значение в реализации проекта духовной модернизации.

Таким образом, речь идет об использовании имеющейся совокупности религиозных конфессий и, соответственно, присущих им идеологий как специфического ресурса для инициации духовной, т.е. идеологически и ценностно ориентированной жизни в России. Совокупность конфессий выступает в данном случае как капитал, исторически и культурно присущий России как исключительной многонациональной и многоконфессиональной стране.

Использование совокупности конфессий в рамках духовной мо-

дернизации предполагает два направления: идеологическое и институциональное.

В рамках идеологического направления на основе религиозных и мифологических учений российских конфессий вырабатываются содержательно соответствующие им — как по отдельности, так и в совокупности — светские идеологии. Каждая из этих искусственно создаваемых идеологий является, с одной стороны, содержательно родственной какому-то религиозному (мифологическому) конфессиональному учению (и это родство должно быть легко распознаваемо непрофессионалами), с другой стороны, она должна иметь светский, не пропагандирующий конкретную религию характер.

Таким образом, на основе конфессиональных учений создается дублирующий их светский контент. Иными словами, идея в том, что не на искусственной, а на исторически уже существующей культурной основе создаются идеологии, которые могут действовать как катализатор духовной модернизации и которые при заинтересованности государства в этой модернизации могут с его помощью пропагандироваться на законном основании.

Например, государство не может пропагандировать буддизм. Но оно может пропагандировать некую идеологию, в названии которой нет слова «буддизм», в содержании которой нет понятий, тождественных понятиям буддистского учения, но которая в целом на основе светских по содержанию понятий и тезисов представляет буддизм. Главное в том, что такая идеология, используя на основе подобия существующему вероучению дей-

ствительно исторически присущую ему понятийную и образную мощь, на вполне светской основе может стать привлекательной для многих заинтересованных граждан. В результате такие граждане вовлекаются в некое идеологическое содержание, что является тактической целью духовной модернизации.

В рамках институционального направления происходит структуризация отношений государства с конфессиями, т.е. с самими религиозными общинами и их организациями. Использование конфессиональных идеологий предполагает в качестве необходимого взаимодействие государства с общинами и даже установление каких-то новых, причем структурно новых отношений. Взаимодействию и обновлению отношений государства с общинами способствует предполагаемая общая заинтересованность в духовной модернизации как со стороны государства, так и со стороны всех традиционных религиозных общин.

Итак, в рамках предлагаемого проекта государство инициирует идеологическую работу и взаимодействие с конфессиями, исходя при этом из приоритета интересов общества в целом. В рамках этой работы государство осуществляет разнонаправленные действия, чтобы как можно большее число граждан приобрело идеологические потребности и было вовлечено в духовную модернизацию. Когда благодаря таким действиям некие граждане, обретая потребность в идеях, желают их систематизировать и углубить, они обращаются к конкретным конфессиям, вследствие чего возможно увеличение числа участников конфессий (прихожан). В этом заключается декларируемый главный общий интерес конфессий. ■

ПЭС 10051/09.03.2010

Примечание

1. www.sbras.nsc.ru/news/detail.php?ID=3786